

Евгений Андреевич Салиас

Пандурочка

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.6
ББК 84-4

Евгений Андреевич Салиас

Пандурочка / Евгений Андреевич Салиас – М.: Книга по Требованию, 2011. – 46 с.

ISBN 978-5-4241-2611-6

Рассказ о русской истории XVIII века Е.А. Салиаса, популярного писателя, которого современники называли "русским Дюма".

ISBN 978-5-4241-2611-6

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Евгений Андреевич Салиас
Пандурочка
Исторический рассказ

– Нет на свете ни единой женщины честной, нет ни единой супруги верной. Все в праматерь свою! – добавлял капитан.

Когда Карсанову было уже за сорок лет, он был извещен, что его товарищ и друг, убитый на войне, назначил его по завещанию своим душеприказчиком да вдобавок опекуном дочери-крошки лет двух.

Делать было нечего. Пандур занялся делами и девочкой-сиротой. Разумеется, он оставался в полку и заглазно управлял ее маленьким именищем в Воронежской губернии, а ее самое тоже заглазно передал на воспитание и попечение своей дальней родственнице. И только спустя десять лет, посланный по делам службы в Воронеж, он заехал поглядеть на свою питомицу.

Двенадцатилетняя девочка удивила капитана. Она была и красива, и умна, и бойка удивительно, только чересчур мала. Ей казалось лет семь или восемь, так что если еще и подрастет немножко, то все-таки будет карлицей.

Однако, прожив месяц у родственницы, старик пандур привязался к сироте. Вернувшись в полк, он чаще писал старухе, чаще справлялся о питомице, а через два года опять поехал в Воронеж уже исключительно за тем, чтобы поглядеть, подросла ли маленькая Аннушка. Оказалось, что девочка подросла, стала еще красивее и умнее и еще бойчее. Но ростом... чуть не бирюлька!⁴

В этот приезд Карсанов пробыл месяца два и окончательно привязался к Аннушке, не отходил от нее ни на шаг, но, однако, странное, не отеческое чувство овладело им.

За несколько дней до того, как приходилось снова возвращаться в полк, семидесятилетняя старушка-родственница объяснила Кузьме Васильевичу, что ему придется озаботиться судьбой питомицы больше, чем когда-либо: придется ее взять к себе.

– Зачем, матушка сестрица?

Капитан всегда величал так родственницу. Старушка объяснила:

– Я умирать собираюсь, и скоро. Стало быть, лучше бы вам ее с собой теперь же взять.

На решительный отказ Карсанова старушка настаивала, говоря, что с кем же девочка останется, когда она помрет. Капитан объяснил старушке, что она может еще прожить смело лет десять-пятнадцать. Старушка обиделась:

– Что же ты меня за лгунью, что ли, считаешь? Говорю я вам, через неделю Богу душу отдам. Я, слава Богу, никогда во вралихах не была.

Капитан перестал спорить, но все-таки продолжал собираться в дорогу. Видя это, старушка настояла, чтобы родственник обождал до следующего вторника.

– Да зачем, матушка сестрица?

– А затем, батюшка братец, что под вторник или в самый во вторник на заре я помру. Ты меня похоронишь, а Аннушку с собой увезешь поневоле.

«Ну, старуха, – думал капитан, – упряма!» Нечего делать, пришлось остаться Карсанову до вторника, надеясь, что старуха его не заставит ждать опять своей предполагаемой смерти до следующего вторника и что можно будет выехать. Однако Карсанов ошибся.

Пришел вторник. Старушка была в добром духе и после полудня, сидя и вышивая в пальцах, кротко пересмеивалась с сидевшей около нее девочкой. Обе они были заняты важным делом: работали наперегонки. Аннушка наматывала клубок шерсти, а старушка доканчивала какой-то листок по канве. Ради шутки

они условились, что кто кого перегонит, выиграет крымское яблочко. Бойкая и шустрая Аннушка спешила из всех своих сил размотать шерсть, чтобы обогнать бабушку и получить румяное яблочко, соблазном лежавшее на столе.

– Готово! – воскликнула она наконец, вскочив с места и держа клубок над головой.

– Умница! – произнесла твердо старушка. – Но вот... Вот и у меня... – тише сказала она, выпрямляясь от пялец и прислоняясь к спинке своего кресла.

Аннушка поглядела... И действительно, зеленый листик был тоже окончен.

– А все-таки же я первая! – вскрикнула она. Бабушка ничего не ответила. Аннушка испугалась:

«Неужели бабушка надует, заспорит!»

– Ведь я? Я? – опять спросила девочка, но бабушка продолжала сидеть молча и глядеть на нее какими-то чудными глазами. Потом она склонила голову набок, да как-то удивительно. Голова все повисала и повисала и так совсем повисла, что ухом почти легла на плечо.

Старушка доказала в последний раз, что никогда в врилах не была.

После похорон волей-неволей капитан, смущаясь, все-таки взял питомицу и с ней вместе выехал в полк.

II

Поселившись вдвоем в маленьком городке, где стоял пандурский полк, Кузьма Васильевич и крошечная Аннушка зажили весело и обожали друг друга. Капитан в питомице души не чаял, она же любила его не меньше своих кукол и звала «Кузинькой», причем целовала его всякий день столько же, сколько и свою любимицу, фарфоровую Машу во французском платье, которую ей выписал капитан из Москвы, уплатив целых десять рублей. Недаром Маша на корабле в Питер приехала и оттуда в Москву попала.

Не прошло, однако, и году, как Карсанов получил свой «абшид»,⁵ но по собственному желанию. Он выехал с питомицей в дальний путь, через месяц был в городе Кирсанове и уже покупал маленькое именьеце. Капитан решил, что ему, Карсанову, надо жить в Кирсанове или поблизости. Но здесь произошло главное событие его жизни: он женился на своей питомице, которой еще не хватало двух месяцев до полных пятнадцати лет.

Когда Кузьма Васильевич разъяснил Аннушке, каким способом она может его осчастливить, и сделал ей предложение, то она бросила куклы и прыгала чуть не до потолка. Выйти замуж, да еще вдобавок за «Кузиньку», ей представлялось таким веселым, таким прелестным, что занятнее, конечно, ничего не выдумаешь.

– А долго это будет продолжаться? – спросила она.

– Что такое?

– А вот, наша свадьба?

– Самая свадьба около часу.

– А потом я долго буду вашей супругой?

– Всю жизнь.

– И меня барыней будут звать, Анной Семеновной?

– Понятное дело.

– И тоже на всю жизнь?

– Тоже.

– На всю жизнь! – воскликнула Аннушка и стала прыгать еще пуще.

Справив скромно свою свадьбу в городе Кирсанове, капитан занялся устройством своего будущего местожительства. Стройка пошла быстро, и осенью он уже переехал в новую усадьбу, при которой только еще не было служб.

И вот теперь минуло уже почти два года с тех пор, что капитан женился на пятнадцатилетней девушке, которой тогда на вид можно было дать и двенадцать. Теперь Аннушка стала немножко повыше и немножко круглее, но все-таки по своей миниатюрности с трудом могла в глазах всякого почесться замужней женщиной. Диковинно она была мала.

Однако за эти два года много воды утекло. Анна Семеновна начала скучать среди леса дремучего, изредка плакать и убиваться, собираясь бежать то в монастырь, то на край света, а чаще всего в прорубь речки за садом. Капитан волновался, тревожился, боялся этих угроз, так как притворства в Аннушке не было. И несмотря на то, что он был страшно ревнив, он решил несколько раз выехать с женой из своего гнезда в Тамбов, а два раза в Москву и, наконец, однажды обещал жене вскоре собраться к святым угодникам в Киев помолиться о даровании им потомства.

Эти путешествия перевоспитали маленькую капитаншу, принесли ей пользу, а капитану один вред, ибо после каждого путешествия Аннушка еще более скучала в усадьбе среди леса. Понятно, что она кое-что сообразила, сначала неясно, потом яснее, и стала досадовать на себя. Вспоминая, как прыгала она при известии, что выйдет замуж за Кузьму Васильевича и станет барыней, она понемногу пришла к раскаянию, пеняла на него и на себя, а вскоре начала втихомолку плакать горько и неутешно. Теперь она уже отлично поняла все, понимала, что не только не следовало ей никогда выходить за Кузьму Васильевича, но и ему, старику, не следовало и даже грех было на ней жениться, будучи на сорок лет старше ее.

Состоявшаяся среди лета поездка в Киев подлила масла в огонь. Не до молитвы было Аннушке. И наконец, к довершению всех зол, особый случай, по дороге из Киева обратно домой, окончательно пересоздал капитаншу, если не совсем с ума свел. Да и было отчего...

Верстах в семидесяти от Киева они должны были остановиться поневоле на станции среди степи. Тут было много народа, съезжих с двух концов дворян. Все застряли. Лошадей почтовых никому не давали, так как ожидался проезд главнокомандующего русской армией по пути в пределы турецкие. Ехал сам светлейший князь Григорий Александрович Потемкин!

Капитанша несказанно рада была увидеть знаменитого вельможу, про которого муж много и часто рассказывал ей. Сам Карсанов был тоже очень доволен неожиданным случаем представиться и даже представить жену, благодаря исключительной обстановке и особым, все упрощавшим обстоятельствам. В маленькой деревушке среди степи какой же может быть этикет?

И действительно, при появлении на станции именитого и славного любимца государыни, заслуженный пандур не только представился с женой, но был обласкан вельможей и приглашен в числе прочих проезжих дворян к столу, то есть к завтраку, который был, конечно, сервирован так, как если бы все находились в Петербурге, а не среди степи. Не только дивная посуда и серебро явились, как по манию волшебника, не только угощение было по-царски роскошно, но даже всякие редкие заморские вина полились рекой. Недаром за экипажем вельможи двигалась целая вереница фургонов с прислугой и провиантом. Но этого мало. Светлейший почему-то посадил около себя именно капитаншу, и угощал ее предпочтительнее, и любезничал с ней сугубо.

Старый пандур, как ревнивец от природы, сидя несколько в отдалении, приглядывался и краснел от удовольствия, но и от боязни, что жена будет очарована. Он, конечно, не знал, да и никто на его месте не мог бы предположить, что вельможа, падкий на прекрасный пол, остановился здесь лишних два-три часа исключительно затем, чтобы полубезничать с женщиной-крошкой. А крошка эта именно сразу ему сильно приглянулась своей редкой миниатюрностью, и он ее прозвал уже тотчас «пандурочкой».

Впрочем, в данном случае ревновать было нельзя – и неудобно, и бессмысленно. Благоклонность вельможи не могла быть истолкована в дурную сторону, так как через час-два вельможа двинется далее, по пути... чуть не на край света, во всяком случае на край России, к границе Турции.

Приближенные князя знали и понимали больше пандурского капитана и крошечной капитанши. Они знали, что завтрак на этой станции не предполагал

ся и что его вдруг по неожиданному приказу кое-как с трудом состряпали. Но близкие люди, и свита, и прислуга, давно привыкли к своему обожаемому князю и ко всем его «чудесам». Сегодня он из-за прихоти всех и все кверху ногами перевернет, а завтра сам удивится и спросит:

«Что такое приключилось? Кто такое приказал? Я же?! Да что вы на меня все поклепы взводите! Идолы!»

И приближенные сообразили, конечно, тотчас, что красивая и крошечная не то женщина, не то куколка, оказавшаяся семнадцатилетней капитаншей, женой пандурского офицера с шестым десятком лет на плечах, заинтересовала среди тоски и однообразия дальнего пути их всевластного и прихотливого повелителя.

– Вот так пандурочка! – воскликнул он. – Никогда еще такой крохотули не видал. Тринадцать лет дать нельзя. Подавать завтракать. Поспеем. Турка от нас не уйдет!

И около станционного дома на лугу вдруг состоялось пирование. Всех дворян позвали к столу, но «стола» не было, ибо такого большого, на тридцать человек, никогда в этих краях и не бывало. На траве были разостланы ковры, и все уселись кругом, как кто мог удобнее и вежливее.

– Не бойсь, государи мои! – восклицал весело хозяин, радушный и приветливый. – Не стесняйте себя... Турки завсегда так кушают... Ноги под себя, а не набок. Вот так...

Приглашенная Анна Семеновна Карсанова, сидевшая на ковре около могучей фигуры князя, казалась совсем такой куколкой, которую он мог бы легко спрятать у себя за пазухой. Долго ли продолжался завтрак и что говорил ей вельможа, как и о чем он шутил, капитанша не помнила, потому что была как в чаду.

Она очнулась вполне только тогда, когда все, как наваждение какое-то мимолетное, – вдруг исчезло из глаз ее, а сама она сидела в тарантасе около мужа... А кругом была пустота, голая степь.

Где же этот красавец великан, его чудные глаза и чудный голос, проникающие в сердце, волнующие его какой-то еще не изведанной сладостью. Неужели это больше никогда не повторится? Да и было ли оно?

Встреча с именитым вельможей, который обладал даром очаровывать всех женщин без исключения, разумеется, сделала то, что пандурочка, вернувшись в свою глушь – в Кузьминку, среди дремучего леса, окончательно стала чахнуть. Она стала жить воспоминаниями о своем путешествии в Киев и завтраке с вельможей. «Он и Кузьма Васильевич?!» – думала и восклицала она наедине.

Разумеется, теперь она знала уже верно, что ее собственное существование – каторга. Остается ей лишь одно: скорее руки на себя наложить.

И это случилось бы, если бы не появилась старая Макарьевна, толстая и здоровенная женщина, вольноотпускная, побывавшая в Москве в нянях, и такая умная, перед которой Кузьма Васильевич сам пасовал. Видавшая всякие виды, знавшая, как люди живут на свете, Макарьевна рассуждала не хуже любой важной дворянки-помещицы.

Себе на шею и как на грех нанял ее теперь капитан в Тамбове, чтобы супруге было с кем душу отвести в беседах. И Аннушка немного ожила.

За одно только слово сразу полюбила она старуху. Макарьевна сказала ей как-то вскоре по приезде, что Кузьма Васильевич Аннушке не в супруги годился бы, а в дедушки. За этакое золотое слово капитанша, конечно, через полчаса уже

висела у нее на шее и целовала ее морщинистые щеки.

Вскоре она стала обожать старуху, и обе с первых же дней не расставались ни на минуту.

Однако Макарьевна сумела так себя поставить в доме, что если барыня Анна Семеновна ее обожала, то и барин Кузьма Васильевич тоже ее полюбил. Впрочем, Макарьевна старалась всегда поглядеть, хорошо ли и плотно ли приперта дверь их комнаты, где она с молодой барыней беседовала шепотом и толковала обо всем том, что творится на свете, и о том, как добрым людям на белом свете жить следует.

Эти беседы шестидесятилетней старухи с молодой женщиной кончились тем, что обе печаловались, как мудрена ее, Аннушкина, жизнь. Но поделать ничего нельзя. Руки на себя наложить – глупо и рано. Надо другого какого выхода ждать. Жизнь всю так прожить нельзя. Все равно от тоски зачахнешь и на тот свет уйдешь. Надо терпеть и ждать. Может, что и навернется. Мало ль что на свете приключается. В сказке не рассказать, что наяву, глядь, потрафилось... Таково просто, а миру на аханье.

Однако Анна Семеновна все-таки постоянно, раза по два в неделю, чтобы душу отвести, грозилась мужу утопиться в той проруби на реке, где для хозяйства воду берут.

III

Не в русских пределах, хотя в единоверной Руси-стране, ярко белеется и будто блестит маленький городок без садов, без растительности кругом, утонувший среди голой степи, раскаленной солнцем, кажется одиноким, затерянным, как корабль среди моря. Но если пустынно все кругом, то в самом городке многолюдство, движение. Вид городка совершенно необычайный, каким он не может быть всегда, а может быть только временно, вследствие чрезвычайных обстоятельств.

Действительно, обстоятельства эти незаурядные – война.

В городке главный штаб победоносной армии. А какой и чей штаб? Главнокомандующего князя Потемкина.

В небольшом, но все-таки самом большом доме городка теснится, движется и суетится настоящий муравейник, но не серый, а яркий, сияющий, всех цветов радуги, и блестит в лучах солнца, пылающего над окрестностью и всей южной страной.

Десятки и даже вся сотня разнообразнейших мундиров придает этой суетне особый отпечаток чего-то высокого, едва достижимого для всех обывателей. Еще серее, убожее кажутся эти обыватели, в числе которых нет русских. Тут и турки, и молдаване, и евреи.

В уютной комнате этого дома лежит на диване в одном легком халате из шелковистой ткани большой и грузный человек с босыми ногами, с обнаженной грудью и с голыми руками, потому что рукава по плечи засучены.

Уже дня четыре валяется он так...

Жара и духота измучили его. Но главное не в этом. На него напала обычная периодическая хворость. Имени ей нет, и назвать ее нельзя, объяснить тоже нельзя, можно только рассказать. Хворость в том, что нигде не болит, тело здорово, но дух томится, изнывает. Если болит что, так разве сердце, да и не болит, а болеет о себе, о других, обо всем мире.

«Не стоит жить на свете! Все суета. Марево! Умереть страшно, а то ни за что бы жить не стал. Люди глупы и злы; друзья – одни предатели; враги неумолимы и беспощадны. Одна надежда на нее, да и она – человек. И она – самодержица над миллионами, сама подвластна невидимке – клевете. Не стоит жить и, пожалуй, лучше умереть! Стоит прожить еще самую малость, чтобы успеть уничтожить полумесяц, выгнать турок из Европы, снова назвать Константинополь Царьградом и, отворив его русским войскам, положить основание новому византийскому царству с новым царем Константином, ее внуком, теперь младенцем. Только из-за этого и стоит еще немного прожить, а то бы сейчас умер с охотой».

Так рассуждает, хворая, тоскуя и мучась духом, всемогущий вельможа, Григорий Александрович Потемкин. От этой хворости нет лекарств. Надо обождать, чтобы немощь сама прошла.

Между тем, пока валяется он на диване, все стало кругом, нет ответа ни на какой важный вопрос. Из дома не выходит и не уезжает ни один курьер, тогда как этих курьеров во многих местах ожидают с нетерпением. Даже иная осажденная крепость неприятельская еще держится, еще не взята штурмом, потому что Григорий Александрович думает о том, что не стоит жить.